

Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования

Автор: М. Ю. УРНОВ

Статья 1. Общественные настроения и эмоциональная атмосфера общества в академической политологии

Не являясь и не собираясь становиться профессиональным психологом, я старался сконцентрироваться лишь на тех психологических идеях, которые, с моей - политологической - точки зрения, казались полезными для изучения интересующих меня политических проблем. Кроме того, я пытался описать эти идеи так, чтобы предельно облегчить их использование в прикладном политическом анализе.

Такой подход, разумеется, не мог не привести к огрублению тонких психологических идей. Однако избежать подобного огрубления было, как мне кажется, невозможно. Столь греющие душу психолога индивидуальные различия и нюансы человеческих переживаний оставляют "правоверного" политолога по большей части равнодушным - если, конечно же, речь не идет об особенностях личности и нюансах переживаний вождей, диктаторов, президентов, партийных лидеров и т.п. За этим небольшим исключением, политолога заботят типичные, усредненные на уровне больших групп характеристики мышления, переживаний и поведения. И потому там, где психолог применяет полную версию тестов *MMPI* или *IQ*, политолог удовлетворяется ответами на три-четыре вопроса, к тому же достаточно часто сформулированных не им самим, а коллегой-социологом для своих собственных социологических нужд.

Дмитрий Карамазов, человек, судя по всему, обладающий прирожденным психологическим взглядом на мир, приходил в восторг и страдал от того, что "у Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела", который у нее "даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался" [Достоевский, 1976, с. 109]. Между тем родись старший из братьев Карамазовых с политологическим подходом к действительности, изгиб в пальчике-мизинчике Аграфены Александровны заставил бы его трепетать разве что в случае, если бы этот изгиб был типичен для представителей политически активной части общества: сторонников или противников самодержавия, смертной казни, религиозной терпимости и пр.

Такова политология. А потому не могу не принести извинения психологам за, возможно, не всегда уместное и, уж точно, грубое вторжение в область их профессиональных размышлений. Извинением мне могут служить, пожалуй, лишь два соображения.

У р н о в Марк Юрьевич - кандидат экономических наук, профессор, декан факультета прикладной политологии Государственного университета - Высшей школы экономики.

Во-первых, сотрудничество наук все же лучше, чем отсутствие такового. Во-вторых, в своих действиях я не одинок. вторжения в психологию с последующей политологической интерпретацией "захваченного" - стандартный метод действий *политической психологии*, суть которой в "Oxford Handbook of Political Psychology" определяется как "приложение того, что известно о человеческой психологии, к исследованию политики" [Sears, Huddy, Jervis, 2003, p. 3].

* * *

При сопоставлении реальной политической жизни с современной политической теорией бросается в глаза одно обстоятельство: огромное внимание к проблеме настроений общества со стороны политиков, наблюдаемое на фоне явной недооценки этих вопросов со стороны академической политологии.

Сам факт интереса политиков к существующим в обществе настроениям практически не зависит от политического режима. Однако последний в решающей мере определяет специфику этого интереса - его мотивы, практические проявления, последствия и т.д.

В *тоталитарных* режимах настроения общества - предмет "особой заботы" власти. "Двухминутки ненависти" из "1984" Дж. Оруэлла и "сходки единения" из "Прекрасного нового мира" О. Хаксли - замечательные художественные образы множества реальных механизмов "психологической настройки" общества в тоталитарных государствах. Примеры подобных "настроек" легко может припомнить любой, родившийся в СССР не позднее 70-х гг. XX в.

Авторитарные режимы отличаются от тоталитарных несколько меньшей нервозностью отношения к настроениям общества. Впрочем, степень этой нервозности существенным образом зависит от уверенности режима в собственных силах¹.

В условиях *политической демократии* наибольший интерес к настроениям общества вспыхивает в периоды избирательных кампаний - сегодня предвыборная борьба все больше и больше приобретает характер соперничества не столько за умы, сколько за сердца избирателей. Однако и в межвыборные периоды важнейшие структуры исполнительной и законодательной власти демократических государств, партии и многие общественные организации продолжают интересоваться динамикой настроений, рейтингов политиков и политических инициатив.

Важность роли, которую настроения играют в политическом процессе, определяется многими обстоятельствами. Упомяну только два из них. Во-первых, настроения и эмоции существенным образом воздействуют на мировосприятие и характер поведения (в том числе политического) как индивидов, так и групп. Исследований этой проблемы и, тем более, высказываний на сей счет со стороны ведущих психологов множество².

¹ Напомню здесь приведенное А. Герценом в "Былом и думах" колоритное высказывание генерала Л. Дубельта, характеризующее отношение к настроениям общества со стороны авторитарного режима XIX в., отличающегося от многих современных нам авторитарных режимов заметно большим лоском и уверенностью в своей легитимности: "У нас не то, что во Франции, где правительство на ножах с партиями, где его таскают в грязь; у нас правление **отеческое**, все делается как можно келейнее... Мы выбиваемся из сил, чтобы все шло как можно тише и глаже, а тут люди, остающиеся в какой-то бесплодной оппозиции, несмотря на тяжелые испытания, страшат общественное мнение, рассказывая и сообщая письменно, что полицейские солдаты режут людей на улицах" [Герцен, 1962, с. 382 - 383].

² Л. Берковиц, например, пишет, что "настроения людей могут влиять на мысли и даже воспоминания, приходящие на ум в данный момент... Позитивные чувства часто продуцируют позитивные мысли, в то время как негативные настроения порождают негативные и даже враждебные мысли - если только не иницируется нацеленный на ослабление негативного аффекта процесс саморегуляции, мотивирующий индивида избегать "плохих" мыслей" [Берковиц, 2002, с. 135, 157]. Согласно М. Льюису, "всякая данная оценка выступает функцией текущего состояния индивида - как познавательного, так и эмоционального" (цит. по [Делглиш, 2002, с. 490 - 491]).

Таблица Частота упоминания понятий "настроения", "эмоции", "эмоциональная/психологическая/социальная атмосфера/климат" в политологических журналах Великобритании и США*

Годы	Общее количество опубликованных статей	Число статей, в которых соответствующие понятия встречаются наряду со словами "общество", "нация" или "страна" (в скобках - % к общему количеству статей)	
		"настроения", "эмоции", "эмоциональная/психологическая/социальная атмосфера/климат" * *	"интерес", "рациональность", "рациональный выбор", "институт", "структура", "система"***
1900 - 1920	6784	72(1)	3524 (52)
1921 - 1940	9716	238 (2)	5500 (57)
1941 - 1960	14332	551 (4)	8007 (56)
1961 - 1980	20451	787 (4)	13388(65)
1981 - 2000	26854	923 (3)	18654(69)
1900 - 2000	78137	2571 (3)	49003 (63)

Источник: <http://www.jstor.org>

Примечания:

* 41 журнал, помещенный в рубрику "Political Science" электронного ресурса JSTOR - The Scholarly Journal Archive.

** Критерий отбора статей: (moods OR emotion OR "emotional atmosphere" OR "psychological atmosphere" OR "social atmosphere" OR "emotional climate" OR "psychological climate" OR "social climate") AND (society OR nation OR country).

*** Критерий отбора статей: (rationality OR "rational choice" OR institution OR structure OR system) AND (society OR nation OR country) NOT (moods OR emotion OR "emotional atmosphere" OR "psychological atmosphere" OR "social atmosphere" OR "emotional climate" OR "psychological climate" OR "social climate").

Во-вторых, настроения представляют собой "фоновый"³, плохо осознаваемый фактор, а потому - если их не отслеживать специально - влияют на политическое поведение индивидов или групп почти незаметно и могут приводить к неожиданным последствиям. Известная притча о лягушке, находящейся в котле с медленно подогреваемой водой, не замечающей этого и в конечном счете погибающей от перегрева, хорошо передает специфику влияния настроений общества на политику. Понятно, что подобные факторы действуют при любых политических условиях.

Не менее ясно, что мощь непосредственного (краткосрочного) влияния настроений на политическую жизнь существенным образом зависит от уровня институционализации политического процесса. В переходных обществах, то есть в обществах с низким уровнем институционализации, влияние общественных настроений на политику существенно сильнее, чем в обществах стабильных. Как справедливо заметил С. Хантингтон, "обществу со слабыми политическими институтами нелегко справляться с последствиями личных и групповых вожелений" [Хантингтон, 2004, с. 42].

Итак, повышенное внимание к настроениям со стороны политиков вполне объяснимо. Тем более странным, мягко говоря, выглядит отношение к ним со стороны политической теории, как к чему-то второстепенному. Действительно, в политических и политологических словарях и энциклопедиях в настоящее время нет статей "настроения". В потоке статей по политологии вопросы, связанные с эмоциями и настроениями общества, устойчиво находятся на периферии интересов и дискуссий (см. табл.).

³ По словам М. Айзенка, "на свои эмоции мы обращаем внимание, тогда как настроения просто создают фон для нашей повседневной активности" [Eysenck, 2002, p. 67]. Т. Дэлглиш пишет, что "настроением создается фоновое состояние, которым задается повышенная вероятность вовлечения в тот или иной эмоциональный эпизод" [Дэлглиш, 2002, с. 467].

Как видно из таблицы, в течение XX в. в политологических журналах Великобритании и США доля статей, в которых категории "настроения", "эмоции" и "эмоциональная/ психологическая/ социальная атмосфера/климат" упоминались наряду со словами "общество", "нация" или "страна", составляла около 3%. Между тем удельный вес статей, где эти понятия не упоминались вовсе, но где использовались категории "интерес", "рациональность", "рациональный выбор", "институт", "структура", "система" составил 63%. Иначе говоря, в XX в. при обсуждении политических проблем общенационального уровня на каждую статью с упоминанием настроений/эмоций приходилось около 20 статей, в которых используются исключительно институциональный или рациональный подходы. Впрочем, утверждать, что положение совсем не меняется, было бы неверно. Ситуация улучшается. Но изменения происходят крайне медленно.

В 1917 г. неудовлетворенность сугубо рационалистическими и институциональными интерпретациями политического процесса подтолкнула оксфордского историка Дж. Б. Гранди к созданию термина "политическая психология". "Не прошло и 62 лет" с момента появления этого термина, как в 1978 г. при Калифорнийском университете было создано Международное общество политической психологии (International Society of Political Psychology - ISPP).

Начиная с 80-х гг. XX в. наблюдается ускоренный рост работ по политико-психологической тематике. Ф. Радмин приводит следующие данные об увеличении количества статей и книг по политической психологии, содержащихся на Интернет-ресурсе Американской психологической ассоциации PsycINFO. Если в 1881 - 1900 гг. таковых не имелось, а в 1901 - 1920 гг. их выявлено всего три, в 1921 - 1940 гг. - восемь, в 1941 - 1960 гг. - девять, то в 1961 - 1980 гг. уже 37, а в 1981 - 2000 гг. - 838 [Rudmin, 2004, p. 6]⁴.

По мнению некоторых исследователей, рост внимания к психологическим аспектам политики в значительной мере обусловлен усилением популярности в политологии теории рационального выбора (см. например, [Schildkraut, 2004, p. 807]). Впрочем, в мировом академическом сообществе политическая психология, то есть научное направление, для которого влияние эмоций и настроений на политику - одна из главных областей исследования, все еще в большинстве случаев рассматривается в качестве молодой науки с не вполне определенным предметным полем. Специализация по политической психологии многими западными университетами считается проблематичной [Schildkraut, 2004, p. 808, 812].

Хорошим индикатором отношения политологического академического сообщества США к проблеме настроений в политике могут служить издательские аннотации, сопровождающие книги по этой теме. Человека, психически здорового и находящегося вне контекста современной политологии, эти аннотации могут, мягко говоря, удивить.

Например, издательская аннотация появившейся в 2000 г. книги известного американского политического психолога Дж. Маркуса и его коллег "Интеллект и политическое суждение", среди основных достоинств книги называет то, что она "побуждает *специалистов в сфере общественных наук* (курсив мой. - М. У.) возвыситься над идеалистическим представлением об абсолютно рациональном гражданине и разработать более полную, реалистическую модель, включающую эмоциональную сторону человеческих суждений" [Marcus, Neuman, MacKuen, 2000].

Аннотация к вышедшей через два года новой книге Маркуса "Сентиментальный гражданин: эмоция в демократической политике" и вовсе напоминает полный отчаяния глас человека, вопиющего к своим собратьям в тщетной надежде привлечь их внимание к эмоциональной стороне жизни. Привожу ее полностью, поскольку с точки зрения содержания она представляется мне "образцовой":

⁴ Замечу попутно, что эта статистика взята из психологических журналов, не включенных в рубрику "Political Science" электронного ресурса Jstor, на основании которой делался расчет в таблице. Не включен в эту рубрику Jstor'a и журнал "Political Psychology", с 1992 г. издаваемый Международным обществом политической психологии.

"Эта книга - пишет издатель Маркуса, - бросает вызов общепринятой житейской мудрости, согласно которой для улучшения демократической политики необходимо исключить из нее эмоции. Маркус *выдвигает провокативное утверждение* (курсив мой. - М. У.) о том, что сложившаяся в теории демократии традиция рассматривать эмоции и разум как враждебные друг другу противоположности дезориентирует и приводит современных ученых к неверным оценкам текущего состояния американской демократии. По мнению Маркуса, вместо того, чтобы рассматривать присутствие эмоций в политике как банкротство рациональности, а значит и банкротство гражданственности, теоретики демократии должны понять, что в действительности эмоции являются предпосылкой проявлений рассудка и, следовательно, неотъемлемы от рационального анализа и политических оценок в условиях демократии. Попытки очистить публичную жизнь от эмоций не только обречены на провал, но, в конечном счете, могут лишить демократии одного из главных источников обновления и изменения" [Marcus, 2003].

В российской академической политологии внимание к настроениям общества тоже невелико. Больше других писал о настроениях Д. Ольшанский (см., например, [Ольшанский, 1995; 2001; 2002^а; 2002^б]). В том, что касается настроений, круг базовых подходов и идей, обсуждаемых в этих работах, практически одинаков. Однако само понимание настроений неоднозначно. Он видит в них то преобладание аффективного, то когнитивного компонента. Так, в соответствии с одним из определений, массовые настроения представляют собой "особые психические состояния", "переходные от непосредственных эмоций к более или менее осознанному мнению, вырастающие из повседневных эмоций". Наряду с этим, однако, у Ольшанского имеется понимание массовых настроений как "широкой *субъективной оценки* (курсив мой. - М. У.) социально-политической действительности", то есть как эмоционально насыщенных осознанных позиций или устремлений типа "настроения психологической готовности к политическим действиям" [Ольшанский, 2002^а, с. 406].

Кроме того, существует и промежуточная трактовка массовых настроений как "особых переживаний комфорта или дискомфорта, отражающих: (1) степень удовлетворенности или неудовлетворенности общими социально-политическими условиями жизни; (2) субъективную оценку возможности реализации социально-политических притязаний в данных условиях; (3) стремление к изменению социально-политических условий ради осуществления своих притязаний" [Ольшанский, 2002^а, с. 405]. Столь же двойственно трактует "общественные настроения" и М. Еникеев, для которого они представляют собой "определенное состояние чувств и *умов* (курсив мой. - М. У.) в больших социальных группах" [Еникеев, 2002, с. 284].

Между тем в общей психологии настроения понимаются как феномены, в которых когнитивная составляющая играет роль явно менее значимую, чем в оценках и аттитюдах. Например, в двух солидных психологических словарях о настроении говорится как о "более или менее устойчивом, продолжительном, без определенной *интенции* эмоциональном состоянии человека, окрашивающим в течение некоторого времени все его переживания" [Большой... 2006, с. 326], или как об "относительно всеобъемлющем и устойчивом эмоциональном состоянии" [Большой... 2000, т. 1, с. 486]. В этих определениях наличие когнитивного компонента в настроениях, скорее всего, подразумевается⁵, но не акцентируется.

Впрочем, двойственность трактовок настроений, свойственная Ольшанскому и Еникееву, отражает речевую практику, сложившуюся в российской социологии и политологии. Здесь можно найти и "когнитивные", и "аффективные" интерпретации настроений (причем первых куда больше). Вот несколько примеров "когнитивных" подходов: "В об-

⁵ По словам Дэлглиша, в современной психологии принято говорить о четырех компонентах эмоций, одним из которых является когнитивный/смысловой компонент: "эмоции означают "взвешивание" событий в мире относительно текущей ситуации". Остальные три компонента - физиологический, мотивационный (необязательно выливающийся в реальный поступок "потенциал действия") и субъективных переживаний/чувств [Дэлглиш, 2002, с. 464].

щественном настроении, согласно опросам, к концу 1990-х годов все более доминирует ориентация на власть, порядок, силу" [Лебедева, 2000, с. 46]. "В массовых настроениях россиян, действительно, растет крен в сторону поддержки сильной власти, способной навести порядок в стране" [Мельвил, 1998, с. 34]. "Под общественными настроениями... понимается комплекс текущих политических идей, оценок и стереотипов, распространенных в общественном сознании и влияющих на электоральные предпочтения избирателей" [Страхов, 2001, с. 75].

А вот образец "аффективного" толкования настроений: "Страх подвижен. Как элемент массовых настроений он гибко следует за ситуациями, складывающимися в социальной среде в тот или иной период времени" [Иванова, Шубкин, 2005, с. 27].

Со своей стороны отмечу, что и тот и другой подходы представляются вполне правомерными. О сопоставлении их достоинств говорить вряд ли имеет смысл: достоинства или недостатки термина в решающей мере зависят от целей исследования и контекста, в котором он употребляется. Что касается меня, то в силу специфики разрабатываемой проблемы, я в данной работе использую понятие "настроения" в аффективном смысле.

Механизмы формирования настроений в российской (как, впрочем, и западной) политологии и политической психологии рассматриваются чаще всего в контексте проблемы толпы. Основное внимание уделяется ситуациям, в которых наблюдается примитивизация индивидуального поведения, то есть случаям, где применима идущая от Г. Лебона [Лебон, 1995] и З. Фрейда [Фрейд, 1991] парадигма противопоставления рациональности индивида и иррациональности (эмоциональности) массы.

По словам сторонника этой парадигмы С. Московичи, "внушение или влияние - в коллективном плане то, что в индивидуальном плане является неврозом. Оба предполагают:

- уход от логического мышления, даже его избегание, и предпочтение алогичного мышления;
- раскол рационального и иррационального в человеке, его внутренней и внешней жизни" [Московичи, 1998, с. 42].

В контексте этой проблемы говорит о массовых настроениях и Ольшанский [Ольшанский, 2002^a, с. 415 - 453]. Такой же подход используют Л. Гозман и Е. Шестопал [Гозман, Шестопал, 1996, с. 122, 123, 134].

В других книгах российских политологов и политических психологов проблема общественных/массовых настроений как самостоятельная тема, к сожалению, вообще не рассматривается (см. например, [Дилигенский, 1994; Политическая... 2003; Пирогов, 2005; Шестопал, 2002]). Среди статей, опубликованных в российских научных журналах в 1990 - 2006 гг., мне удалось найти только одну работу, затрагивающую теоретические аспекты концепции массовых настроений. Это статья И. Яковенко, представляющая собой подробную и глубокую рецензию на книгу Ольшанского "Психология масс" [Яковенко, 2004].

Попробую теперь, хотя бы бегло, остановиться на причинах невнимания академической политологии к эмоциональным аспектам политической жизни. Порой можно встретить мнение, возлагающее вину за "внеэмоциональность" политологии на Э. Дюркгейма, социологические концепции которого сильно повлияли на эту науку⁶. В самом деле, он определял психологию как "науку о мыслящем индивиде" [Дюркгейм, 1990, с. 399, 405], а социологию как науку "об институтах, их генезисе и функционировании". В этих определениях эмоциональной сфере места действительно не предусмотрено.

⁶ Как утверждает директор Института психоистории (США) Л. де Моз, "Обществоведы редко интересуются психологией... Самый интересный вопрос относительно всякой социальной группы... - "Почему они это делают" - редко ставится в академической среде... Дюркгейм... утверждал, что понимание индивидуальных мотивов не имеет отношения к пониманию общества. Устраняя психологию из общественных наук, Дюркгейм сформулировал принцип, которому сегодня следует большинство теоретиков-обществоведов: "Причину, обуславливающую социальный факт, нужно искать среди социальных фактов, предшествующих данному, а не среди состояний индивидуальных сознаний"... Социологи до сих пор воспроизводят предубеждение Дюркгейма против психологии... Политологи исходят из тех же предпосылок: "Политические установки обычно рассматриваются как результат рационального, рефлексивного процесса"" [Mause de].

Тем не менее образ Дюркгейма как "эмоциоборца" вряд ли соответствует действительности. Его отношение к роли эмоций и настроений в общественной жизни было далеко не пренебрежительным. Так, Г. Фишер и К. Чон утверждают, что "согласно взглядам Дюркгейма, эмоции могут и должны играть ключевую роль в социологической теории" [Fisher, Chon, 1989, p. 8]. В частности, "Метод социологии" (то есть работа, на которую чаще всего ссылаются критики дюркгеймовского антипсихологизма) содержит трактовку социальных фактов, включающую предельно широкий спектр эмоциональных явлений: от "мимолетных вспышек" эмоций и "возникающих в многолюдных собраниях великих движений энтузиазма, негодования, сострадания" до способов "чувствования", формируемых в процессе воспитания [Дюркгейм, 1990, с. 414, 415]⁷.

В "Общественном разделении труда" Дюркгейм наметил типологии идентичностей, фундаментально важные для понимания социального контекста эмоций и настроений. Например, он разграничил идентичности, которые на языке современной психологии называются "личностной" и "социальной" [Дюркгейм, 1990, с. 126]. В "Самоубийстве" он описал некоторые эмоциональные состояния общества, связанные с динамикой экономической конъюнктуры: всплески агрессивности и апатии [Дюркгейм, 1994]. Наконец, в своей наиболее поздней работе "Элементарные формы религиозной жизни" Дюркгейм склонен был рассматривать эмоции как "социальный клей" и как один из важнейших факторов структурирования социальной реальности в процессе общественной эволюции [Дюркгейм, 1998]⁸.

Единственное, что, по-видимому, было Дюркгейму чуждо, так это представление, будто люди могут постоянно влиять на эмоциональные состояния друг друга вне толпы или вне воспитательного процесса. "Когда собрание разойдется, - писал он, - когда эти социальные влияния перестанут действовать на нас, и мы останемся наедине с собой, то чувства, пережитые нами, покажутся нам чем-то чуждым, в чем мы сами себя не узнаем" [Дюркгейм, 1990, с. 415].

Переходя от описания "мимолетных вспышек" настроений к устойчивым состояниям, Дюркгейм предпочитал говорить уже не об эмоциях или настроениях, а о "длительных движениях общественного мнения, которые постоянно возникают вокруг нас или во всем обществе или в более ограниченных кругах по поводу религиозных, политических, литературных, художественных и других вопросов" [Дюркгейм, 1990, с. 415]. Иными словами, он признавал в качестве социальных фактов "сильные" и "направленные" эмоциональные взаимодействия, но отказывал в этом статусе "слабым" и "ненаправленным" эффектам. Между тем в современной психологии этим эффектам уделяется большое внимание, например, в рамках экологических теорий стресса (см., например, [Мейес, ван Элдрен, 2002, с. 607])⁹.

Но оставим Дюркгейма. Как первопроходец научной социологии он имел право на некоторый экстремизм суждений. В том, что "избыточная рациональность" Дюркгейма была усилена последующими поколениями социологов и политологов, виноват не столько он сам, сколько особенности восприятия и интерпретации его идей идущими за

⁷ Справедливости ради замечу, что, говоря о специфике социальных фактов, Дюркгейм достаточно жестко противопоставлял индивидуальное коллективному и подчеркивал, что социальные факты "существуют вне индивидуальных сознаний" и играют по отношению к индивиду роль "внешнего принуждения" [Дюркгейм, 1990, с. 412, 421]. Противопоставление индивидуального коллективному и "суперобъективация" последнего были основанием для критики Дюркгейма уже со стороны Г. Тарда. Последний говорил, что ему "очень трудно понять, как может случиться, что "отбросив индивидуумов, получим в остатке общество"", и что "делая объективным различие или, лучше сказать, чисто субъективное отделение коллективного явления от составляющих его частных фактов, Дюркгейм возвращает нас в самую глубину схоластики" [Тард, 1996, с. 4]. Современная исследовательница эмоций С. Ахмед пишет о Дюркгейме мягче. По ее мнению, для Дюркгейма эмоции были прежде всего фактором, действующим "извне вовнутрь (*outside in*)", а не "изнутри вовне (*inside out*)" [Ahmed, 2004, p. 9].

⁸ Подробный анализ этой работы см. в [Hummond, 1983; Fisher, Chon, 1989].

⁹ Подробнее об этих воздействиях см. в следующей статье.

ним исследователями, в частности Р. Мертоном и Т. Парсонсом (об этом см., например, [Alpert, 1939, p. 68; Hummond, 1983, p. 92]).

Причины "внеэмоциональности" современной академической политологии следует, как мне кажется, искать в культурном характере обстоятельств, которые обусловили такое восприятие идей Дюркгейма. Стоит упомянуть восходящую к Платону и глубоко укорененную в политологии рационалистическую традицию, проявляющуюся, помимо прочего, в абсолютизации парадигмы противопоставления рациональности и аффективности. Ее можно обнаружить, например, в известном высказывании И. Шумпетера о том, что в сфере политики мышление рядовых граждан перестает быть рациональным и "становится ассоциативным и аффективным" [Шумпетер, 1995, с. 347]. (О доминировании этой парадигмы в современной политологии см., например, [Marcus, 2003].)

Вероятно, свою роль играет и этический индивидуализм, отторгающий взгляд на личность как на фигуру, решения которой находятся под воздействием чужих эмоций и настроений: "Ощущения, чувства, прозрения, капризы - все они личны и никак не передаваемы, если не считать посредства символов и вторых рук... От семьи до нации, каждая группа людей - это общество островных вселенных" [Хаксли, 2004, с. 11].

Возможно, сказывается и влияние близких к политологии научных дисциплин. Таких, например, как экономика с ее принципом методологического индивидуализма, лежащим в основе классических представлений о *homo economicus*¹⁰. Последний имеет все основания считаться ближайшим родственником *homo politicus*, населяющего теорию общественного выбора¹¹ и имплицитно присутствующего во многих политологических построениях, с этой теорией напрямую не связанных.

Я далек от притязаний на полноту приведенного только что списка причин, делающих академическую политологию равнодушной к сфере настроений и эмоций. Не сомневаюсь, что его можно продолжить. Но чем бы ни обуславливалось подобное равнодушие, на пользу политологической теории оно не идет. Отсутствие "психологической начинки" в политологических моделях приводит порой к снижению их объяснительного потенциала или делает политическую аргументацию неубедительной¹². Если же заимствования из сферы психологии делаются, то они нередко оказываются либо примитивными, либо наивными, либо устаревшими, либо противоречивыми, либо соединяющими в себе все эти характеристики.

О таком "использовании" психологии представителями не только политологии, но и других гуманитарных наук говорится уже давно. Г. Элперт еще в 1939 г. писал, что одной из опасностей для социологов является "тенденция изобретать психологические принципы *ad hoc* или имплицитно опираться на те или иные устаревшие психологические доктрины". По мнению Элперта, подобной опасности не избежал и Дюркгейм, однако по сравнению со своими последователями он в этом вопросе был куда более осторожен [Alpert, 1939, p. 69, 64]. С тех пор ситуация практически не изменилась. Хорошим

¹⁰ По словам Д. Бреннана и Д. Бьюкенена, *homo economicus* - это индивид, преследующий "только свои собственные осознанные частные интересы, которые суммируются в объективно измеримом чистом благосостоянии" [Бреннан, Бьюкенен, 2005, с. 76]. На русском языке наиболее подробный обзор моделей "*homo economicus*", включающий и анализ принципа методического индивидуализма, содержится в книге [Автономов, 1998]. Далекий от экономической теории Э. Геллнер называл такой взгляд на человека концепцией "модульного человека", "основанной на представлении, что люди суть индивиды, осуществляющие целесообразное поведение и оценивающие окружающую среду с точки зрения достижения своих целей" [Геллнер, 1995, с. 106].

¹¹ См., например, [Нуреев, 2005].

¹² Л. Демоз приводит забавный пример недостаточности "социальной" (то есть не учитывающей психологических факторов) аргументации, используемой политическими историками для объяснения причин войн: "революционная смута во Франции стала причиной франко-австрийской войны 1792 г., а война Франции с Англией была вызвана окончанием революционной смуты, что позволило направить энергию наружу" [Демоз, 2000, с. 120].

примером тому могут служить политологические модели агрессии, построенные на плохо переваренных хороших психологических теориях.

* * *

Итак, проблематика общественных настроений - явный маргинал в академической политологии. Но и в маргинальности нет равенства. Среди маргинальных тем, подходов и идей есть более и менее маргинальные.

К наиболее обойденным вниманием относится концепция, описываемая целым набором сходных терминов: психологический/ эмоциональный/ социально-психологический/ морально-психологический климат или атмосфера общества. Эта концепция предлагает объединить в единую систему наличествующие в обществе настроения и эмоции, которые "окутывают" индивидов и существенным образом влияют на их взгляды и действия.

П. Сорокин как-то справедливо заметил, что "социальные науки слишком злоупотребляют определениями, чаще всего не давая по существу ничего, кроме чисто словесных формулировок" [Сорокин, 2005, с. 30 - 31]. Полностью разделяя это мнение, я не стану вдаваться в анализ того, какой из упомянутых выше терминов лучше передает содержание рассматриваемой концепции. Полагаю, что их можно использовать как синонимы. Однако в данной работе я чаще всего буду употреблять термин "эмоциональная атмосфера общества" - предпочтение во многом случайное и продиктованное исключительно необходимостью остановиться на чем-то одном.

Исследовав несколько академических Интернет-ресурсов¹³, я нашел только семь работ, в которых данная концепция упоминалась с помощью хотя бы одного из указанных выше терминов. Из этих семи работ лишь одна имеет теоретический характер. Речь идет о статье Ж. де Риверы "Эмоциональный климат: социальная структура и эмоциональная динамика" [Rivera de, 1992], но написана она, конечно же, не политологом, а профессором психологии из Университета Кларка, явно находящимся под влиянием идей К. Левина.

В сообществе политических психологов проблематика эмоциональной атмосферы общества также, мягко говоря, не находится в центре внимания. В 1983 г. М. Дойч опубликовал статью "Что такое политическая психология?" [Deutsch, 1983], в которой проанализировал тематику дискуссий и публикаций Международного общества политической психологии. Рубрикатор Дойча включает много позиций, но эмоциональной (психологической или еще каким-либо образом называемой) атмосферы/климата общества как самостоятельной темы там нет. В публикациях журнала "Political Psychology", вышедших после появления этой статьи, то есть за период с 1983 по 2006 г., также не оказалось ни одной статьи, посвященной данной теме. Отсутствие работ по проблеме эмоциональной атмосферы общества (и, в целом, больших групп) особенно заметно на фоне множества исследований психологического климата малых групп, трудовых коллективов и т.п.

Было бы неверно утверждать, что концепция эмоциональной атмосферы общества не пользуется вниманием политологов и политических психологов, потому что она теоретически не разработана. Основные элементы этой концепции были сформулированы такими первоклассными умами, как Тард и Левин. В конце XIX в. Тард в работе "Социальная логика" сформулировал несколько фундаментальных идей, существенно важных для понимания феномена эмоциональной атмосферы общества. Правда, термин "эмоциональная (психологическая и пр.) атмосфера/климат" он не использовал, предпочитая говорить о "социальной системе чувств" [Тард, 1996, с. 321]. В предельно кратком изложении идеи Тарда таковы:

¹³ Cambridge Journal Online, EBSCO Host - Master File Premier, Elsevier Science Direct, ISI Web of Knowledge, Jstor, Oxford Journals, ProQuest, SocINDEX with Full Text.

- эмоции и настроения - или, как говорил сам Тард, "движения сердца" - один из важнейших элементов социальной ткани общества, от которого, в частности, зависит его стабильность;
- пропитывающие общество эмоции и настроения взаимосвязаны и потому образуют "социальную систему чувств", аналогичную "социальным и индивидуальным системам идей и верований, социальным и индивидуальным системам намерений и желаний";
- системность связей между отдельными чувствами обеспечивается присутствием в обществе единой ценностной парадигмы, в рамках которой то или иное явление признается ценным, но может вызывать противоположные чувства: например, гордость у одних и зависть у других;
- "социальная система чувств" структурно и содержательно изменяется и усложняется по мере развития и усложнения общества и соответствующего изменения структуры социальных идентичностей;
- эти изменения "социальной системы чувств", в свою очередь, являются необходимым условием общественного развития;
- в обществе действуют факторы, приводящие к содержательным изменениям эмоциональной атмосферы (к изменению баланса симпатий и антипатий и пр.). К таким факторам относятся, например, политические волнения и избирательные кампании;
- кроме того, в обществе присутствуют факторы, выполняющие роль "настройщиков" "социального сердца", этого "времени от времени расстраивающегося музыкального инструмента". "Настройщики" обеспечивают синхронизацию настроения отдельных индивидов и групп. Такими "настройщиками" Тард считал появление время от времени мощных харизматических лидеров (основателей религии, апостолов, реформаторов), регулярные общественные празднества и пр. [Тард, 1996, с. 319 - 323, 331, 334, 348, 358, 359].

В 30-е гг. XX в. Левин ввел и начал активно использовать для анализа социально-психологических проблем несколько синонимических понятий: "культурная атмосфера", "социальная атмосфера", "общая атмосфера группы", "групповой климат", "социальный климат" [Левин, 2000, с. 107, 109, 169, 176, 200, 203]. Называя явления, стоящие за этими понятиями, "слишком расплывчатыми", "неуловимыми", "неосязаемыми", "абстрактными", он вместе с тем включил "социальную атмосферу" в число "наиболее важных динамических характеристик любой социально-психологической ситуации". По его словам, она служит "фоном для всех частных ситуаций" и представляет собой "характеристику социальной ситуации в целом" [Левин, 2000, с. 109, 202, 107, 203]. Для описания "социальной атмосферы" / "социального климата" Левин использовал два крупных блока характеристик:

- структурные/поведенческие/институциональные характеристики группы, например, объем властных полномочий лидера; процедуры принятия решений; распределение внутригрупповых статусов; поведенческие особенности взаимоотношений между членами группы и пр. [Левин, 2000, с. 199 - 214, особенно с. 203 - 204];
- эмоциональные характеристики - "чувства, доминирующие в атмосфере окружающего его [индивида] социума" [Левин, 2000, с. 189].

Понятие "социального климата" Левин использовал предельно широко: для характеристики малых (контактных) и больших социальных групп [Левин, 2000, с. 198 - 239, 292 - 386], а также для описания краткосрочных ситуаций и долгосрочных тенденций. Изменение эмоциональных составляющих климата он связывал с внутригрупповыми процессами, межгрупповыми взаимодействиями и влиянием различных факторов непсихологического характера - экономических, политических и пр. [Левин, 2000, с. 198 - 214, 307, 311 - 313].

Воспользуюсь сделанной только что краткой зарисовкой концепций Тарда и Левина, чтобы уточнить смысл, вкладываемый мной в понятие "эмоциональная атмосфера общества". Я использую этот термин для описания фоновой (и потому плохо ощущаемой "изнутри") подвижной характеристики общества, охватывающей эмоциональные составляющие социального климата Левина и обладающей системными свойствами, описанными Тардом и Левиным.

Для дальнейшего прояснения понятия полезно будет рассмотреть концепцию "эмоционального климата", предложенную де Риверой. С его точки зрения, эмоциональный климат общества представляет собой один из аспектов "поведенческой среды", серьезно влияющий на мировосприятие и действия людей, на политическое единство и культурную идентичность общества [Rivera de, 1992, p. 197]. Вместе с тем в отличие от Левина, де Ривера накладывает на понятие "эмоциональный климат" несколько существенных ограничений. Он не склонен отождествлять "эмоциональный климат" с совокупностью всех существующих в обществе эмоциональных отношений [Rivera de, 1992, p. 200]. Для отграничения эмоционального климата от других явлений эмоционального мира он использует два критерия: содержание эмоций и их устойчивость.

С *содержательной* точки зрения де Ривера различает эмоциональный климат и эмоциональную атмосферу (или коллективное настроение/коллективное чувство). Эмоциональный климат - это прежде всего характеристика эмоциональных отношений между членами общества (например, их склонность или несклонность помогать/опасаться друг друга), тогда как эмоциональная атмосфера (коллективное настроение/коллективное чувство) представляет собой общее переживание по поводу того или иного общего события [Rivera de, 1992, p. 197, 198].

По критерию *устойчивости* переживаний де Ривера разграничивает эмоциональный климат, эмоциональную атмосферу и эмоциональную культуру. Эмоциональный климат устойчив более, чем эмоциональная атмосфера, но менее, чем эмоциональная культура: он может изменяться в течение жизни одного поколения, тогда как для изменения эмоциональной культуры требуется смена поколений [Rivera de, 1992, p. 198].

В принципе, такие ограничения допустимы, но вряд ли целесообразны, поскольку предлагаемое де Риверой *содержательное* разграничение эмоциональной атмосферы и эмоционального климата существенно "утяжеляет" описание любого процесса с использованием данных терминов. Например, ситуация, при которой нация в условиях внешней угрозы почувствовала общую для всех опасность и сплотилась (то есть у людей повысился уровень доверия друг к другу), должна была бы описываться так: изменения в эмоциональной атмосфере привели к изменению эмоционального климата.

С подобным усложнением можно было бы смириться, если бы оно позволяло выявлять психологические и поведенческие нюансы, которые при ином подходе нельзя обнаружить. Однако такие возможности, по крайней мере, в первом приближении не просматриваются, да и вряд ли вообще существуют.

Кроме того, если в теории достаточно легко провести разграничение между эмоциями/настроениями, порождаемыми "общими событиями", и теми, которые характеризуют межличностные отношения и отношения человека к социальным институтам, то при сборе эмпирических данных сделать это почти невозможно. Во всяком случае, это невозможно осуществить с помощью социологических методик или контент-анализа СМИ, а иных инструментов для оценки ситуации на макросоциальном уровне пока не существует.

К тому же де Ривера и сам не до конца придерживается предложенного им разграничительного принципа и при описании размерностей эмоционального климата вводит критерии, отражающие не только "отношение к другим людям", но и "отношение к идеалам"¹⁴. Возникает вопрос, зачем вообще нужно было вводить это разграничение?

С *временным* критерием, отделяющим эмоциональный климат от эмоциональной атмосферы и эмоциональной культуры, дело обстоит не менее проблематично. Стремление де Риверы сконцентрировать внимание на более или менее стабильных явлениях понятно. Но предложенная им классификация представляется мне искусственной.

Неясно, например, что должен будет делать исследователь, наблюдающий вовлеченное в войну общество, если переживание общей опасности (характеристика эмоцио-

¹⁴ Описание этих критериев будет дано в статье 2 "Компоненты эмоциональной атмосферы общества" (см. след. номер).

нальной атмосферы) окажется при этом таким же устойчивым во времени, как и повышенный уровень доверия людей друг к другу (характеристика эмоционального климата). А что если, не дай бог, общее чувство опасности сохранится дольше, чем высокий уровень взаимного доверия?

Разграничение между эмоциональным климатом и эмоциональной культурой по предложенному де Риверой временному критерию вообще сомнительно. Утверждение, будто для изменения культуры требуется смена нескольких поколений, может означать лишь то, что к культуре относятся не чувства как таковые, а образцы проявления чувств, то есть некоторые образцы поведения. Между тем составляющие эмоционального климата суть именно эмоции, чувства и настроения.

Иными словами, разница между эмоциональным климатом и эмоциональной культурой состоит не в различной устойчивости входящих в них элементов, а в их качественной разнородности. При этом большая подвижность во времени настроений, чем поведенческих образцов, - вещь, вообще говоря, не очевидная.

Поясню сказанное на примере. Людям, прожившим некоторое время при советском строе, легко представить навязанное тоталитарным режимом чувство страха, длящееся несколько поколений. В этом случае мы имеем дело с устойчивыми чувствами/настроениями, принадлежащими эмоциональному климату общества. Можно также представить себе сформировавшиеся в условиях тоталитарного режима образцы проявления чувств, в том числе не допускающие публичной демонстрации страха, требующие прикрывать его поведенческой веселостью, оптимизмом и иными проявлениями "бодрости духа".

Оба явления, конечно же, будут существовать одновременно. Между тем разрушение тоталитарной системы на первых порах может привести к разрушению культуры проявления чувств, не затронув глубоко въевшегося страха перед властью. Во всяком случае, в российском обществе этот страх оказался куда более живуч, чем советские образцы изъявления чувств, и просыпается при малейшем насупливании "державных бровей", но теперь уже в несколько ином поведенческом оформлении.

Вернемся к теории. Не исключено, что слабость предложенного де Риверой временного идентификатора эмоционального климата отражает плохую приспособленность существующей в психологии временной классификации эмоциональных явлений для описания социальных феноменов. Вместо использования затуманивающих ситуацию временных ограничителей, уместнее было бы признать фундаментальной характеристикой эмоциональной атмосферы общества наличие в ней элементов, изменяющихся с существенно разной скоростью.

Отсутствие внимания академических политологов и политических психологов к проблеме эмоциональной атмосферы общества во многом объясняется их сомнениями относительно реальности такого феномена, как эмоциональная атмосфера общества. На первый взгляд сложная структура общества превращает эмоциональную атмосферу в статистическую фикцию, сходную со "средней температурой по больнице". В самом деле, общество включает в себя множество групп, живущих в разных материальных и социокультурных условиях, сталкивающихся с разными проблемами, имеющих разные - часто противоположные - интересы и практически не контактирующих друг с другом. В таких условиях говорить о реальности усредненных по обществу показателей действительно трудно.

Эти аргументы абсолютно справедливы, если под эмоциональной атмосферой общества понимать "эмоциональное единство общества". Однако возможен и другой подход. Например, Тард, говоря о "социальной системе чувств", а Левин - о социальном климате, имели в виду не единство, а взаимную зависимость отдельных составных элементов рассматриваемого феномена, будь то его отдельные эмоциональные компоненты (агрессивность, вера в будущее, чувство принадлежности, уверенность в себе и пр.) или "микроклиматы", доминирующие в различных контактных и неконтактных социальных группах.

Эмоциональная атмосфера общества представляет собой субъективно-психологический (неинституциональный) аспект жизнедеятельности всякой социальной группы, в том числе и общества. По словам Левина "сущность группы - это не сходство или различие между ее членами, а их взаимозависимость. Группу можно определить как "динамическое целое". Это означает, что изменения в состоянии любой из частей изменяют состояние всех остальных частей этого целого. И степень взаимозависимости членов группы варьирует от неструктурированной "массы" до тесного единства" [Левин, 2000, с. 215 - 216]¹⁵.

В духе Тарда и Левина рассматривает эмоциональный климат общества и де Ривера, подчеркивающий необходимость исследования его неоднородности, обусловливаемой многочисленными индивидуальными и групповыми различиями между людьми: "Пытаясь измерить объективный эмоциональный климат, мы должны учитывать, что люди, обладающие различными личностными свойствами... и люди, занимающие различные позиции в общества... вполне могут воспринимать этот климат по-разному. Усредненный показатель... вовсе не является лучшей оценкой нашего объективного феномена. Если, например, одна социальная группа ощущает удовлетворение и рост возможностей, а другая чувствует подавленность и усиливающуюся фрустрацию, нам следует интересоваться не средней от оценок, а очевидно растущим уровнем поляризации" [Rivera de, 1992, p. 210].

Понимание эмоциональной атмосферы общества как системы взаимосвязанных эмоциональных характеристик делает данную концепцию довольно реалистичной с точки зрения здравого смысла. Во всяком случае, более реалистичной, чем концепция атмосферы как усредненного эмоционального состояния общества.

Однако ссылка на здравый смысл вряд ли может считаться исчерпывающим аргументом. Полагаю, что большей убедительности тезиса о реальности эмоциональной атмосферы общества будет способствовать описание факторов, формирующих систему взаимосвязей между ее отдельными компонентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В. С.* Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб; М., 2002.
Большой психологический словарь. СПб., 2006.
Большой толковый психологический словарь. М., 2000.
Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб., 2005.
Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995.
Герцен А. И. Былое и думы. Кн. 1. М., 1962.
Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996.
Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000.
Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994.
Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч. Т. 14. Л., 1976.
Дэлглиш Т. Эмоции // Психология: комплексный подход. Минск, 2002.
Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990.
Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998
(<http://krotov.info/library/d/durkgem.html>). *Еникеев М. И.* Энциклопедия. Общая и социальная психология. М., 2002.

¹⁵ В конце 1960-х гг. Дойч, вторя Левину, утверждал, что психологическая взаимозависимость - осознанная или нет - превращает группу в психологическую группу, и описал типы этой взаимозависимости с помощью континуума, образуемого полюсами "promotive/cooperative" и "competitive" [Deutsch, 1968, p. 467].

- Иванова В. А., Шубкин В. Н.* Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // СОЦИС. 2005. N 2.
- Лебедева М. М.* Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // Полис. 2000. N 6.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
- Левин К.* Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.
- Мейес С., Элдерен Т. ван.* Психология здоровья и стресс // Психология: комплексный подход. Минск, 2002.
- Мельвиль А. Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. N 2.
- Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
- Нуреев Р. М.* Теория общественного выбора. Курс лекций. М., 2005.
- Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике. М., 1995.
- Ольшанский Д. В.* Политико-психологический словарь. М. - Екатеринбург, 2002^б.
- Ольшанский Д. В.* Политическая психология. СПб., 2002^а.
- Ольшанский Д. В.* Психология масс. СПб., 2001.
- Пирогов А. И.* Политическая психология. М., 2005.
- Политическая психология. М., Екатеринбург, 2003.
- Сорокин П. А.* Социология революции. М., 2005.
- Страхов А.* Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России // Мировая экономика и международные отношения. 2001. N 1.
- Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1996.
- Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого "Я" // Фрейд З. "Я" и "Оно". Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
- Хаксли О.* Двери восприятия. Рай и ад. М., 2004.
- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
- Шестопал Е. Б.* Политическая психология. М., 2002.
- Шумпетер Й. А.* Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- Яковенко И.* Вокруг книг. Человек в массе: свежий взгляд на классическую тему // Мировая экономика и международные отношения. 2004. N 4.
- Ahmed S.* The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh, 2004.
- Alpert H.* Emile Durkheim and Sociologismic Psychology // American Journal of Sociology. 1939. July. Vol. 45. Issue 1.
- Deutsch M.* Field Theory in Social Psychology // The Handbook of Social Psychology. 2-d ed. Vol. 1. London, 1968.
- Deutsch M.* What is Political Psychology? // International Social Science Journal. 1983. May. Vol. 35. Issue 2.
- Eysenck M.W.* Simply Psychology. Hove and New York, 2002.
- Fischer G.A., Chon K.* - K. Durkheim and the Social Construction of Emotion // Social Psychology Quarterly. 1989. Vol. 52. Issue 1.
- Hummond M.* The Sociology of Emotions and the History of Social Differentiation. Sociological Theory. Oxford, 1983.
- Marcus G.E.* The Psychology of Emotion and Politics // Oxford Handbook of Political Psychology. New York, 2003.
- Marcus G.E., Neuman W.R., MacKuen M.* Affective Intelligence and Political Judgment. Chicago, 2000.
- Mause L. de.* The Emotional Life of Nations. Chapter 5. The Psychogenic Theory of History (http://www.psychohistory.com/htm/eln05_psychogenic.html).
- Rivera J.de.* Emotional Climate: Social Structure and Emotional Dynamics // International Review of Studies on Emotion. 1992. Vol. 2 (<http://www.clarku.edu/faculty/derivera/emotionalclimate.htm>).
- Rudmin F.W.* G.B. Grundy's 1917 Proposal for Political Psychology: "A science which has yet to be created" // International Society of Political Psychology News. 2004. Spring. Vol. 15. Issue 1 (<http://ispp.org/publications/ISPPnews/pdf/spring2004.pdf>).
- Schildkraut D.J.* All Political is Psychological // A Review of Political Psychology Syllabi. Perspectives on Politics. 2004. December. Vol. 2. Issue 4.
- Sears D.O., Huddy L., Jervis R.* The Psychologies Underlying Political Psychology // Oxford Handbook of Political Psychology. New York, 2003.